

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ И РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ЛИВИИ

Тарек Мегериси
Василий Кузнецов
ИЮЛЬ 2020

СОДЕРЖАНИЕ

1. Разбор политики европейских государств в отношении Ливии	3
Франция	3
Италия	4
Германия	5
ЕС	6
Выводы	7
2. Россия и Ливийский конфликт: логика порывов	8

РАЗБОР ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В ОТНОШЕНИИ ЛИВИИ

Тарек Мегериси

С момента интервенции, осуществленной под руководством Великобритании и Франции в 2011 году, Европа взяла на себя коллективную роль ведущего игрока в Ливии. Несмотря на расходящиеся и зачастую противоборствующие устремления государств-членов, общий масштаб роли ЕС проявляется в том, что большинство конференций по ливийской тематике, проведенных специальным посланником ООН и другими международными сторонами, прошли под эгидой Европы. Более того, целевой фонд ЕС для Африки сыграл ведущую роль в финансировании и оказании содействия работе по стабилизации ситуации в Ливии, а операция «София» на протяжении длительного времени оставалась единственной официальной миссией, направленной на взаимодействие с ливийскими властями и укрепление их потенциала.

Лидирующая роль Европы в ливийском вопросе пользуется многолетней поддержкой США по причине стойкого нежелания Америки оказаться втянутой в потенциально еще один затяжной конфликт на фоне сворачивания ею своего военного присутствия на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Кроме того, учитывая близость Ливии к европейским берегам, она представляет для Европы большой стратегический интерес. Тем не менее, несмотря на эти черты, приписываемые коллективной Европе, европейским государствам не удалось примирить различные интересы и политические позиции для выработки согласованной политики, направленной на стабилизацию положения в Ливии и содействие ее переходу от уникальной системы управления, существовавшей при Каддафи, к более инклюзивной, представительной и эффективной политико-экономической модели. Действительно, разобщенность европейских государств, а также их неспособность наладить эффективное взаимодействие с движущими силами ливийского конфликта сыграли значительную роль в продолжающемся коллапсе Ливии.

Разногласия внутри Европы, а также вызванные ими расхождения в двусторонней политике стран-членов ЕС усиливаются на уровне Евро-

союза, где глубоко укоренившиеся опасения в отношении беженцев и миграции усугубляют и без того непростую ситуацию. Все это делает действия Брюсселя на ливийском направлении в значительной степени неэффективными. Соответственно, разложение европейского подхода и политики в отношении Ливии на четко определенные позиции его государств-членов и ЕС по-прежнему позволяет наилучшим образом понять позиции европейских государств по Ливии и то, почему ливийская политика Европы приобретает именно такие формы.

ФРАНЦИЯ

Из всех европейских государств, вовлеченных в ливийскую проблематику, ни одно не проявило себя более последовательно и решительно, чем Франция. Она часто выступала в качестве движущей силы ливийской повестки на уровне ЕС и ООН, оказывая при этом влияние на положение дел внутри страны. Президент Николя Саркози одним из первых клюнул на идею ливийской революции в контексте «арабской весны» и сыграл решающую роль в достижении международного консенсуса, который способствовал интервенции НАТО с целью оказания поддержки революционным силам. Можно утверждать, что на тот момент французские интересы в Ливии лежали в основном в плоскостях экономики, геостратегии и оппортунизма, то есть в возможности свержения Муаммара Каддафи.

Ливия долгое время воспринималась Францией как «та самая страна, которая выскользнула» из группы государств, впоследствии получивших название «France Afrique», поскольку в эпоху политики колониализма, проводимой европейскими державами, о своих притязаниях на нее заявила Италия. Даже во время правления Муаммара Каддафи Италия оставалась самым близким экономическим партнером Ливии в Европе. Согласно оценкам, Ливия обладает крупнейшими запасами нефти и газа в Африке, месторождениями золота и других природных богатств, а также

значительными резервами наличных денежных средств в иностранной валюте. Это сделало ее чрезвычайно привлекательной в глазах частных французских компаний в областях добычи углеводородов, обороны и строительства. Они надеялись на получение льготных условий доступа после того, как Саркози оказал революции поддержку. Однако ожидаемый ими золотой дождь так и не пролился, поскольку Ливия так и не смогла стабилизироваться или как-то всерьез начать восстановление своей экономики.

Поскольку дестабилизация ситуации в Ливии, в свою очередь, спровоцировала восстание джихадистов в Мали, что привело к военной операции под руководством Франции для нормализации положения в Сахеле, потенциальная роль Ливии в рамках «France Afrique» приобрела еще большее значение. Это стало той проблемой, которая позднее нашла отклик в более широкой антитеррористической деятельности Франции после серии атак ИГИЛ на ее территории. Эти интересы слились в фигуре Халифа Хафтара, ливийского генерала эпохи Каддафи, ранее захваченного Францией во время неудачной войны Ливии с Чадом в 1980-х годах. Франция, похоже, воспринимает Хафтара как эффективного партнера по борьбе с терроризмом и оказывает ему военную поддержку в рамках этого нарратива; она также видит в нем потенциальный оплот для защиты других французских интересов в Сахеле. Этот более широкий подход можно увидеть на примере французских интервенций во время завоевания Хафтаром юга Ливии в начале 2019 года, когда группировки чадских повстанцев, отброшенные назад через границу, были перехвачены французскими самолетами.

После возвращения Хафтара на политическую арену Ливии позиция Франции заключалась в том, чтобы попытаться «сконструировать» из него де-факто лидера Ливии, который бы обеспечил все ее интересы. Этот проект по большей части является политическим и предоставляет Хафтару как защиту, так и возможности занять привилегированное положение в будущем политическом устройстве Ливии, при этом выводя его деятельность из-под сферы надзора и ответственности за подрыв процесса ООН. Этот политический курс ярче всего проявился в организации Макроном ливийской конференции в Ла Сель-Сен-Клу в 2018 году. Она уравнила Хафтара и президента Сарраджа и тем самым навсегда изменила процесс ООН, который из инициативы

снизу, охватывающей все слои общества, превратился в вопрос двусторонних отношений, в которых баланс сил постоянно склонялся в пользу Хафтара.

Сегодня, несмотря на все разрушения, вызванные проектом Хафтара после того, как он вышел из процесса ООН и попытался захватить столицу, Франция продолжает оказывать ему безусловную поддержку. Это может являться случаем чрезмерной приверженности политике, унаследованной из прошлого, особенно учитывая, что курс Франции по отношению к Ливии по-прежнему определяется людьми, которые знают Хафтара с самого начала отношений Франции с ним в рамках борьбы с терроризмом. Однако роль ОАЭ, которые остаются ключевым союзником Хафтара, и более широкие амбиции Франции по дальнейшему развитию тесных отношений в области безопасности и политического партнерства с Абу-Даби в рамках более широкого региона, несомненно, являются существенным фактором, определяющим негибкость политики Франции в отношении Ливии.

ИТАЛИЯ

Поскольку Ливия является бывшей колонией Италии и основным поставщиком энергоресурсов по транссредиземноморскому газопроводу «Зеленый поток», ливийский кризис является наиболее животрепещущим вопросом внешней политики Италии. С самого начала революции деятельность Италии по большей части обуславливалась необходимостью сохранить центральное положение Италии в Ливии и защитить ее энергетические интересы. Эти соображения объясняют окончательное решение Италии присоединиться к операции НАТО, несмотря на первоначальную сдержанность президента Берлускони, а также дальнейшее развертывание технического персонала на ключевых объектах нефтяной инфраструктуры в западной части Ливии сразу же после успешных наступательных действий революционеров. Действительно, на протяжении всего беспокойного периода революции и в последующие годы активы, принадлежащие итальянскому нефтяному гиганту ENI, были одними из немногих объектов инфраструктуры во всей Ливии, которые никогда не становились мишенью или объектом нападения. В основном это было связано с довольно быстрой адаптацией Италии к условиям новой Ливии и решением

заклучить соглашения по обеспечению безопасности с местными группами ополченцев, а быстрое восстановление ENI своей операционной деятельности стало подтверждением дальновидности такой политики.

Миграционный кризис или кризис беженцев, начавшийся в 2014 году, полностью переориентировал приоритеты Италии. Непрекращающийся наплыв сотен тысяч беженцев и мигрантов из западной Ливии во все средиземноморские страны по времени совпал с кризисом сирийских беженцев и коренным образом изменил политический климат в Европе и в частности Италии. Первоначально в ответ на эти события Италия поощряла политический процесс ООН, который должен был привести к формированию правительства национального согласия (ПНС), полагая, что наличие официального правительства, которое могло бы выступать в качестве партнера, было необходимым элементом ее стратегии сдерживания. Несмотря на то, что Италия в конечном итоге подписала меморандум о взаимопонимании с ПНС для совместной работы по этому вопросу, политика, которая получила поддержку на уровне ЕС и вылилась в операцию «София» и миссию ЕС по приграничной помощи Ливии, оказалась в значительной степени неэффективной. После чего тогдашний министр внутренних дел Марко Миннити инициировал свою собственную политику по ограничению миграции, предложив выплачивать деньги напрямую представителям ополченцев, занимающихся незаконным провозом людей, чтобы те не переправляли беженцев или мигрантов, а задерживали их.

Посчитав, что миграционный кризис был эффективно разрешен, Италия вернулась к своим попыткам сохранить центральное место в любом предстоящем решении проблемы сохраняющегося разделения Ливии, но обнаружила, что Франция её переиграла. Таким образом, последние несколько лет были отмечены отчаянными усилиями Италии сохранить свою актуальность на фоне ее возрастающей маргинализации в ливийском вопросе. Вера итальянцев в то, что Хафтар станет заметной частью будущего политического устройства Ливии, заставила их сделать ему реверанс в виде конференции в Палермо, прошедшей в декабре 2018 года, хотя их главным партнером оставалось ПНС, а их наиболее значительное присутствие и наиболее тесные связи сохранялись в западной части Ливии. Это переросло в политику «равноудаленности» между двумя сторонами – запутанную позицию, которая только ослабила авторитет Италии в Ли-

вии. После начала войны западные ливийцы почитали себя преданными, поскольку Италия не разорвала отношения с Хафтаром, в то время как сам Хафтар не чувствовал себя обязанным отвечать взаимностью на демарши Италии и отнесся к ним с презрением.

В настоящее время берлинский процесс служит платформой для продвижения Италией своей новой политики, начатой зимой 2019 года. В ее рамках Италия пытается выступать в качестве объединяющей силы и содействовать урегулированию конфликта между Сарраджем и Хафтаром. Это стало новым курсом, сопровождаемым всплеском дипломатической активности с участием как ливийских, так и международных сторон конфликта. Хотя нынешнее председательство Италии в комитете по последующей деятельности Берлинской конференции, к сожалению, совпало с пандемией COVID-19, итальянцы, скорее всего, будут стремиться найти европейских партнеров для укрепления своей новой позиции, сохраняя при этом центральное место Италии в европейском подходе. Это, скорее всего, также будет предполагать задействование значительного итальянского контингента в новой операции ЕС «Ирини».

ГЕРМАНИЯ

Деятельность Германии на ливийском направлении была обусловлена растущей обеспокоенностью многогранной угрозой, которую дальнейшая дестабилизация ситуации в Ливии представляла для Европы в целом. В конце концов, Германия относительно хорошо изолирована от Ливии и последствий конфликта в этой стране. Но судя по всему, в Берлине возникло осознание более экзистенциальных последствий ливийского конфликта, таких как раскол Европы по ливийской линии, ослабляющий ее позицию как игрока на внешнеполитической арене; необходимость для Европы сохранять жесткий контроль за своим ближним зарубежьем на юге и поставками энергоносителей из этого региона; а также непосредственные риски, связанные с миграцией и угрозами безопасности.

В период после гражданской войны в Ливии в 2014 году и инаугурации ПНС в 2015 году данная позиция привела к тому, что Германия одновременно добивалась выработки согласованной европейской стратегии и политической позиции по Ливии на уровне ЕС и стала крупнейшим донором стабилизационных и миграционных проектов в этой стране. После того как политический

процесс под руководством ООН был подорван другими международными игроками, что привело к войне, тогдашний специальный представитель ООН Гасан Саламе обратился к канцлеру Меркель с просьбой сдерживать многочисленные международные стороны ливийского конфликта и добиться поддержки нового дипломатического процесса. Это привело к созданию механизма, известного сейчас под названием “берлинский процесс”, в рамках которого проводятся регулярные встречи высокопоставленных официальных лиц всех заинтересованных стран в попытке найти точки соприкосновения и выработать консенсусный политический подход к прекращению войны; данная позиция была официально закреплена на Берлинской конференции 19 января 2020 года.

Берлинский процесс является проверкой решимости Германии и тех пределов, до которых она готова будет дойти в продвижении своей позиции по Ливии; при этом многие региональные субъекты так и не стали добросовестными участниками этого процесса, и он даже торпедируется другими европейскими странами. Например, Франция поддерживает Хафтара, а Грецию больше волнует вопрос Турции. Недавнее председательство Италии на совещаниях старших должностных лиц, которые продолжают берлинский процесс, покажет, будет ли Германия продолжать продвигать свою повестку через европейских союзников или же воспользуется возможностью и сойдет со сцены.

ЕС

Позиция ЕС в отношении Ливии, как и его политика в отношении многих других стран, является отражением наименьшего общего знаменателя интересов и позиций государств-членов. Сама по себе практически реализуемая политика ЕС вращалась вокруг поддержки процесса ООН и усилий по противодействию миграции. Первое означает, что ЕС до конца выполняет санкции Совета Безопасности ООН, замораживая активы, вводя запреты на поездки и осуществляя другие санкции в отношении ливийцев, которые предположительно создают значительные помехи политическому процессу под руководством ООН. После кризиса мигрантов и беженцев из Ливии ЕС использовался государствами-членами в качестве механизма всестороннего участия Европы в урегулировании этого кризиса. Это участие приняло формы военно-морской миссии, операции «София», которая была сконцентрирована на борьбе с контрабандистами и уничтожении сетей

по незаконной перевозке людей. Но конечным её результатом стало укрепление потенциала ливийской береговой охраны и применение стратегий сдерживания, позволяющих ей подбирать «севших на мель» мигрантов и возвращать их в Ливию. В дополнение к этому была организована миссия ЕС по приграничной помощи, целью которой являлось оказание поддержки ливийским властям в укреплении их потенциала в области пограничного контроля. Однако обе эти миссии были в значительной степени ограничены в связи с отсутствием в Ливии компетентных органов власти, с которыми можно было бы взаимодействовать в долгосрочной перспективе, и в целом слабым центральным правительством. В связи с этим целевой фонд ЕС для Африки выделил значительные средства на программы по стабилизации ситуации в Ливии, а также посредством таких организаций, как Программа ООН по развитию, попытался помочь Ливии вновь стать страной, способной интегрировать мигрантов и в целом улучшить обращение с ними.

С начала войны в 2019 году позиция ЕС по Ливии была такой же застывшей и в целом нерешительной, как и позиции его государств-членов (за исключением Франции) и Совета Безопасности ООН. После проведения Берлинской конференции и принятия резолюции СБ ООН, одобрявшей коммюнике, в Брюсселе были предприняты попытки использовать эту платформу для действий ЕС на ливийском направлении. Германия надеялась, что эти действия могли быть сфокусированы на вопросе эмбарго на поставки оружия, которое, несмотря на взятые в Берлине обязательства, по-прежнему систематически нарушается. Однако общее отсутствие интереса к ливийской проблематике у государств-членов, фурор, произведенный в Греции подписанным Турцией и ПНС меморандумом о взаимопонимании в отношении морских границ в восточной части Средиземного моря, и извечные страхи таких стран, как Австрия и Венгрия, относительно того, что любая операция может создать благоприятные условия для новой волны миграции, привели к тому, что реакция ЕС оказалась «рассогласованной». Сама по себе операция «Ирини» рекламировалась по большей части как механизм обеспечения соблюдения эмбарго на поставки оружия. Однако ее единственным элементом сдерживания являются военно-морские силы, из чего следует, что ее правоприменительный потенциал нацелен исключительно на Турцию, а не на ОАЭ или Египет, которые поставляют оружие Хафтару. Однако такие страны, как Германия и Италия,

рассчитывают использовать воздушные и военно-морские средства, предписанные этой операцией, для сбора более обширной доказательной базы по всем нарушениям. Но остается открытым вопрос, будут ли эти данные использоваться и, если да, то каким образом.

ВЫВОДЫ

Генеральная линия Европы в отношении Ливии лучше всего проявляется на уровне ЕС, определяется страхом перед повторением миграционного кризиса и выражается в уверенности, что именно многосторонний подход должен стать решением проблемы, по причине чего Европа оказывает твердую поддержку процессу урегулирования ООН. Эту политику ослабляет влияние других внешнеполитических приоритетов (например, конкуренция за ресурсы, развернувшаяся в настоящее время в восточном Средиземноморье), которые начинают «искривлять» позицию Европы по Ливии. Государства-члены ЕС, которые в большей степени вовлечены в ливийскую проблематику, ушли еще дальше в совершенно разные стороны в своих попытках активно повлиять на процесс урегулирования конфликта или политический процесс согласно своим собственным позициям или интересам.

События, произошедшие с начала наступления на Триполи в апреле 2019 года, выявили более масштабные последствия раскола Европы по ливийскому вопросу. Неспособность ЕС преодолеть разногласия между ведущими государствами-членами и выработать последовательную или сплоченную европейскую политику выразилась в отсутствии лидерства и дипломатических рамок для участия в решении ливийского конфликта. Это было использовано воюющими сторонами и придало силы другим региональным державам, напрямую вмешивающимся в конфликт. Тем не менее Европа все еще сохраняет значительный вес в ливийском вопросе, и недавний пример политического процесса 2015 года свидетельствует о политическом потенциале ЕС. Тогда совместное давление европейских стран на стороны ливийского конфликта (вплоть до введения санкций в отношении ведущих ливийских политиков) с целью вовлечения их в процесс ООН наряду с созданием единого фронта, в который входили США для мобилизации международной поддержки и сплочения, привели к

появлению более успешного процесса, который хоть и не решил проблему раз и навсегда, но зато положил конец боевым действиям.

При всех своих расхождениях европейские государства имеют много точек соприкосновения по ливийскому вопросу, и чем дольше тянется война, тем меньше вероятность какого бы то ни было военного решения, и чем больше региональные соперники закрепляются в Ливии, тем выше вероятность того, что Европа попытается воссоздать события 2015 года. Динамика отношений между Германией и Италией, которая берет на себя бразды председательства на заседаниях комитета по последующим действиям Берлинской конференции, число других европейских союзников, которых они смогут собрать под свои знамена, и то, каким образом будет проводиться операция «Ирини», станут основными факторами, определяющими эволюцию позиции Европы в предстоящем году.

РОССИЯ И ЛИВИЙСКИЙ КОНФЛИКТ: ЛОГИКА ПОРЫВОВ

Василий Кузнецов

Конец 2019 – начало 2020 г. ознаменовались очередным оживлением ситуации в Ливии. Новая эскалация боевых действий между ПНС и ЛНА, угрозы введения в Ливию турецких войск и реальное наращивание турецкого военного присутствия, многочисленные слухи о российском военном присутствии, встреча ливийских лидеров в Москве и последовавшая за ней конференция в Берлине, дипломатическая активность Алжира, уход со своего поста специального посланника ГС ООН Гасана Саламе – все это создало ощущение, что, во-первых, Ливийский конфликт входит в новую (какую по счету?!) стадию; во-вторых, внешние игроки, включая Россию, Турцию, Алжир, внезапно начали проявлять к нему повышенный интерес.

Пандемия COVID-19, которая, по идее, могла бы замедлить этот процесс, в реальности серьезным образом на него не повлияла. Снижение международной дипломатической активности было быстро компенсировано активизацией игроков «на земле», заставившей, судя по всему, искать какие-то компромиссы и их региональных и глобальных союзников.

Несмотря на то, что ливийскую повестку в масс-медиа сегодня потеснили другие события, сам конфликт никуда не исчез, как не исчезло и множество связанных с ним вопросов, в том числе касающихся роли и интересов России.

Если смотреть на ливийскую проблематику в контексте общего развития ситуации на Ближнем Востоке, то становится заметна одна странная ее черта. При всей своей значимости, при всем влиянии, которое оказывает ситуация в Ливии на Средиземноморье, при всем драматизме происходящих в этой стране событий, сам ливийский конфликт остается вторичным не только для глобальной, но и для ближневосточной повестки дня. Это проявляется не только в том, что для ключевых региональных и внерегиональных акторов он играет меньшую роль, чем, например, ситуация в Сирии, но и в том, что в Ливии раз за разом про-

игрываются уже будто бы знакомые ситуации, используются механизмы, применявшиеся и ранее. Использование всеми сторонами конфликта парамилитарес, прокси и гибридные войны, ситуативные альянсы, различные форматы посредничества, наконец, асимметричное партнерство государственных и негосударственных акторов, глобальных и региональных игроков – все эти лишь отчасти новые механизмы международных отношений уже применялись в Сирии и Ираке, отсюда были пересажены на ливийскую почву.

Россия, которая зачастую воспринимается как один из основных провайдеров модных технологий международных отношений, в реальности выступает здесь лишь одним из игроков, каждый из которых с энтузиазмом использует опыт другого.

Другая особенность Ливийского конфликта, роднящая его с другими конфликтами в регионе, состоит в том, что он может быть интерпретирован посредством множества – как минимум, четырех – нарративов. Он может рассматриваться как:

1. Борьба легитимного ПНС против негосударственного вооруженного формирования ЛНА.
2. Борьба обладающей электоральной легитимностью ПП и связанной с ней ЛНА против утратившего легитимность из-за истечения срока Схиратских соглашений ПНС, деятельность которого оказалась подчинена интересам локальных милиций.
3. Противостояние двух частично легитимных центров силы – правительства и парламента.
4. Противостояние множества игроков, каждый из которых использует доступные ему идеологические, политические, экономические, символические, международно-правовые и другие ресурсы.

При последней интерпретации вопрос о легитимности оказывается вообще неуместен.

Подобную же ситуацию с несколько схоластическим спором о характере участников конфликта мы видим и в Сирии. Конфликт там интерпретируется одними как борьба против авторитарного режима, а другими – как борьба государства против террористической угрозы. Определение того, кто именно является источником этой угрозы становится само по себе нетривиальной задачей.

Каждый из нарративов поддерживается собственным набором аргументов, а принятие каждого из них предполагает собственную логику политического поведения.

Отношение Москвы к участникам конфликта в Ливии после 2011 г. колебалось между третьим и четвертым нарративами, допускающими сохранение равноудаленной или, как любят говорить российские дипломаты, равноприближенной позиции.

За последние годы Москва перешла от звучавших рефреном упреков НАТО в развале ливийской государственности к выстраиванию относительно плотной и диверсифицированной сети контактов с самыми разными участниками ливийского политического процесса. Своеобразная «полифония» российской политики обеспечивалась параллельными действиями разных государственных структур как федерального, так и регионального уровней. Каждая из них выстраивала собственные отношения с различными ливийскими игроками. При этом Москва всячески старалась отводить от себя подозрения в наличии особых отношений как с Халифой Хафтаром, который регулярно встречался с представителями Министерства обороны РФ, так и с лидерами Триполи или Мисураты, не раз посещавшими Москву и Грозный.

Но в конце 2019 – начале 2020 гг., появились признаки того, что Кремль склоняется к усилению поддержки Востока страны. Проблема, однако, состоит в том, что переход от равноприближенности к поддержке одной из сторон требовал принципиального пересмотра вопроса о легитимности участников конфликта. Открытие в Дамаске посольства связанного с ЛНА Временного правительства и визит в Бенгази представителей йеменских антихуситских племен могли свидетельствовать о стремлении повысить Востоком страны свою международную субъектность.

Однако Россия не спешила предпринимать конкретные действия для признания Временного

правительства, хотя поначалу и не препятствовала ему готовить почву для таких шагов в дальнейшем.

Подобное изменение позиции Москвы выглядит нелогичным и необъяснимым, если рассматривать ливийскую проблему вне регионального контекста. Но при учете этого контекста все становится на свои места.

В целом у Москвы нет никаких специальных интересов в Ливии, а ее политика на этом направлении (впрочем, как и политика абсолютного большинства других акторов) всегда отличалась политическим оппортунизмом и стремлением к приобретению краткосрочных выгод. Однако все большее втягивание России в сложную мозаику ближневосточной реальности, ставит ливийское направление политики в зависимость от отношений с Турцией, Египтом, ОАЭ, государствами-членами ЕС и другими акторами, для каждого из которых Ливия по тем или иным причинам оказывается важнее, чем для Москвы.

Подобное давление внешней среды, сделавшее в начале 2020 г. необходимым противостояние Турции и подтолкнувшее к сближению с ОАЭ привело к ряду демаршей на ливийском направлении.

Одновременно с этим формирование за прошедшие годы плотной сети контактов в Ливии российскими деловыми и политическими кругами, вероятно, создало для ряда ливийских игроков каналы лоббирования собственных интересов в Москве. В совокупности со стремлением сохранить возможность инструментального использования ливийской повестки, не втягиваясь глубоко в беспросветный процесс урегулирования, это создало эффект мнимой порывистости российской политики, при которой внезапно предпринимаемые яркие шаги не получают внешних последствий.

При нормальном течении обстоятельств, по всей видимости, Москва и дальше старалась бы сохранить сформировавшийся своеобразный стиль ливийской политики. Но пандемия COVID-19, срыв ОПЕК+ и последовавшее за ним ухудшение российско-саудовских отношений внесли здесь свои коррективы.

Маловероятно, чтобы эти «черные лебеди» вынудили Москву снизить активность на ближневосточном направлении вследствие роста озабоченности внутривосточной и внутриэ-

кономической проблематикой. Напротив, приложив столько усилий к тому, чтобы броский слоган «Возвращение России на Ближний Восток» стал реальностью, Кремль сегодня будет особенно чувствителен к попыткам своих оппонентов показать хрупкость этого возвращения.

Особую значимость в этом контексте обретают отношения с Саудовской Аравией, в сближение с которой в последние годы было вложено немало ресурсов. Обе стороны до сих пор даже в условиях резкого ухудшения экономических отношений демонстрируют неготовность к радикальным политическим шагам и стараются не допустить переноса экономического противостояния в политическую плоскость в дальнейшем.

Все это дает основания полагать, что Москва будет стараться нарастить инструментальный потенциал в Ливии, чтобы при необходимости можно было более эффективно использовать ливийскую повестку в отношениях с третьими

странами. Под таким углом зрения усиление международной субъектности Временного правительства, сохранение и укрепление связей российских элит с различными локальными игроками ливийского противостояния, усиление экономического взаимодействия (по мере возможности и с учетом внезапно появившихся ограничений), попытки позитивного взаимодействия на ливийском направлении с европейскими партнерами, прежде всего, с Италией и Германией, активное взаимодействие с Египтом и Алжиром позволяют повысить значимость российского фактора в потенциальном ливийском урегулировании, что позволит Москве более успешно решать и иные задачи в регионе.

Выраженные российским руководством подтверждение признания ПНС и недовольство Хафтаром, попытавшемся заявить о своих особых полномочиях, вместе с последовавшим за этим военно-политическим ослаблением ЛНА косвенно подтверждают эту стратегию Москвы.

ОБ АВТОРАХ

Тарек Мегериси — научный сотрудник отдела Северной Африки и Ближнего Востока Европейского совета по международным отношениям, политический аналитик и исследователь, специализирующийся на развитии ситуации в Ливии и в арабском мире в целом.

Василий Кузнецов — кандидат исторических наук, руководитель Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН, член РСМД.

Мнения, высказываемые в данной публикации, могут не совпадать с позицией Фонда имени Фридриха Эберта.

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ

© 2020

Издатель:

Фонд Фридриха Эберта в России

Яузский Бульвар 13/3 | 109028 Москва
Россия

Коммерческое использование материалов, изданных Фондом имени Фридриха Эберта (FES), без письменного согласия FES не разрешается.

Мнения, высказываемые в данной публикации, могут не совпадать с позицией Фонда имени Фридриха Эберта.